

© 2010 г. О.С. Бурякова

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЗНАНИЕВОЙ РЕВОЛЮЦИЙ

Актуализируется проблема влияния информационной революции на социальную стратификацию современного общества. Предлагается и обосновывается необходимость дифференциации понятий «информационная революция» и «знаниевая революция». В этом контексте анализируются концепции нового «класса интеллектуалов» в работах теоретиков постиндустриального и информационного обществ. Особое внимание уделяется рассмотрению концепций меритократии Д. Белла, адхократии Э. Тоффлера и нетократии А. Барда и Я. Зодерквиста.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, информационное общество, информационная революция, знаниевая революция, класс интеллектуалов, меритократия, адхократия, нетократия.

Фундаментальные трансформации, которые переживает современное общество, большинство теоретиков либо непосредственно связывают с информационной революцией, либо указывают на ее значительное влияние. Как бы то ни было, положение о том, что сегодня информация приобретает особую ценность и является яркой приметой нашего времени, остается практически неоспоримым и, как справедливо отмечает Ф. Уэбстер, «любая попытка игнорировать эту особенность превратила бы рискнувшего на это социолога в аутсайдера» [1, с. 165]. Однако, несмотря на то, что в самих фактах наличествующих изменений сомневаться не приходится, их оценки и интерпретации могут быть различны, даже диаметрально противоположны в зависимости от теоретических и идеологических установок исследователя. Разворачивается ли перед нами процесс становления новой эры, совершенно новой цивилизации, как полагает, например, Э. Тоффлер, или мы имеем дело, как считает Э. Гидденс, с информатизацией уже устоявшихся социальных связей? Влечет ли за собой информационная революция кардинальные изменения на всех уровнях общественной жизни или же затрагивает только техносферу? Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение для становления

теории информационного общества. В рамках данной статьи мы остановимся на том, как в работах современных исследователей освещается проблема влияния информационной революции на социальную стратификацию, а более конкретно, кого они представляют в роли субъектов информационной и знаниевой революций и какое место отводят этим людям в формирующемся новом мире.

Прежде чем приступить к анализу субъекта информационной революции, необходимо разобраться с самим понятием «информационная революция». Согласно А.И. Ракитову, информационная революция предполагает «изменения инструментальной основы, способа передачи и хранения информации, а также объема информации, доступной активной части населения» [2, с. 86]. Можно встретить и следующую дефиницию: «совокупность качественных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, произведенных в результате внедрения новых средств передачи информации» [3, с. 50]. На наш взгляд, для прояснения ситуации, с методологической точки зрения, очень важно разделить технологический и содержательный аспекты информационной революции. Технологическая сторона связана с целым рядом инноваций прежде всего в области компьютерных разработок, направленных на совершенствование способов обработки и трансляции информации. Д. Белл к ним относит: переход от механических, электрических и электромеханических систем к электронным; минитюризация, т.е. значительное изменение величины конструктивных элементов, проводящих электричество или преобразующих электрические импульсы; дигитализация, т.е. дискретная передача информации посредством цифровых кодов; программное обеспечение, позволяющее одновременно решать различные задачи без знания какого-либо языка на персональном компьютере [4, р. 164]. Описание технологических новшеств, которые сегодня появляются с удивительной быстротой, имеет свой смысл, однако не является достаточным для констатации информационной революции в широком смысле этого слова. Одно дело указать на факт активного развития технологий, другое – говорить о наступлении новой эры. По этой причине основной акцент, как мы полагаем, стоит сделать на содержательной стороне информационной революции. И здесь мы сталкиваемся с целым рядом проблем. Долгое время теории информационного общества опирались на концепцию информации, предложенную К. Шенноном, поскольку

последняя очень хорошо отвечала задачам и потребностям своего времени. К. Шеннон разработал математические методы количественного определения информационных потоков в рамках процессов, связанных с передачей, приемом, преобразованием и хранением информации. Информация в его работах, как и в работах его коллег (У. Уивера, Н. Винера, У. Эшби и др.), рассматривалась как часть физического мира наряду с энергией и материей. Информация существует сама по себе и не нуждается в воспринимающем ее сознании. Чтобы существовать ей не требуется иметь смысл. Количество информации определяется количеством знаков, необходимых для кодирования передаваемой информационной модели. При этом содержательная, смысловая сторона сообщения не принимается в учет. Информацией, согласно данному подходу, может считаться все, что может быть передано по каналам связи от источника к получателю.

Количественная модель информации применялась специалистами и применяется до сих пор для измерения роста информационного общества. В Японии такие попытки имели место с 1960-х гг. Для этого измеряли возрастающее число телефонных разговоров и средств доставки информации. Путь, по которому пошли апологеты информационного общества, чтобы доказать факт его приближения, понятен, поскольку он наиболее нагляден и прост. Но может ли факт увеличения количества телефонных разговоров, sms-сообщений, электронных писем что-либо сказать о качестве той информации, которая передается? Конечно же, нет. «Для теоретиков информационного общества – пишет Т. Роззак – совершенно не важно, передаем ли мы факт, суждение, плоское «общее место», глубокое учение, высокую истину или грязную непристойность» [5, с. 14]. Было бы несправедливым утверждать, что все исследователи информационного общества не посчитали существенным или не обратили внимание на различие между количеством и качеством информации. В частности, Э. Тоффлер в работе «Метаморфозы власти» понимание данного различия и его необходимость демонстрирует достаточно однозначно: «известное определение «информации», которое дали К. Шеннон и У. Уивер, помогавшие в создании информационной науки, хотя и пригодно для использования в технологических целях, не имеет ничего общего с семантическим значением или «сутью» коммуникации» [6, с. 40-41]. Однако несмотря на наличие критической рефлексии большинство появляющихся публика-

ций свидетельствует о том, что и в профессиональном сообществе, и тем более в обыденном сознании не теряет силу убеждение, что информационная революция, понимаемая формально как увеличение частоты коммуникативных актов, ведет нас к принципиально новому обществу. Отечественный исследователь Д.В. Иванов, рассматривая сущность современной информационной революции, предлагает разделять сообщение, т.е. продукт интеллектуальной деятельности человека, интерпретацию – приобретаемое знание, и коммуникацию – операцию передачи. По его мнению, за модным словом «информация» кроется именно коммуникация. «Глядя на современных политиков, биржевых брокеров, журналистов и их аудиторию, – пишет он – не трудно заметить: более информированный человек – это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций» [7]. Именно по этой причине Интернет, а не электронные банки данных или искусственный интеллект, стал символом компьютерной революции. Он не порождает нового знания, но зато многократно увеличивает возможности осуществления коммуникации. То, что информационная революция не гарантирует прироста знания и смысла хорошо показано в работах постструктуралистов и постмодернистов, для которых эта проблема является центральной. Ж. Бодрийяр очень точно характеризует наше время, когда пишет: «Мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [8, с. 117]. Даже основатель теории постиндустриального общества Д. Белл в 1997 г. в предисловии к переизданию своей книги «Навстречу 2000 году: подготовка уже началась» был вынужден констатировать, что резкий рост информационных потоков пока не привел к соответствующему росту знаний [9, с. 15].

Чтобы внести некоторую определенность в понимание происходящих в современном мире изменений, на наш взгляд, имеет смысл разделить понятия «информационная революция» и «знаниевая революция» и рассматривать их как два разных феномена. В основе данного деления лежит дифференциация понятий «информация» и «знание» [10]. «Информационная революция» – термин, который уже устоялся в научном дискурсе, и даже, несмотря на свою непрозрачность и неоднозначность, активно используется во всех гуманитарных и социальных дисциплинах. Что касается термина «знаниевая революция», то для отечественного научного сообщества он является

более экзотическим, хотя в зарубежной литературе с регулярностью используется [11, 12]. Под информационной революцией мы будем понимать развитие информационных технологий и увеличение числа операций трансляции или коммуникативных актов, а под знаниевой революцией – изменение способов порождения содержания, т.е. знания, и влияние этого знания на все сферы общественной жизни. Из вышеприведенных определений двух революций становится понятно, что и субъекты этих революций различны. Одно дело – совершать многочисленные, но пустые в содержательном плане коммуникации и довольствоваться «информационным мусором», другое дело – иметь доступ и иметь способности к порождению нового знания и в первую очередь знания научного. Дифференциация информации и знания, снимает, как мы полагаем, мнимое противоречие между двумя характеристиками знания, о котором часто говорят социологи и экономисты: знание общедоступно, считают они, и элитарно одновременно [13, с. 25]. На наш взгляд, общедоступна именно информация, в то время как знание элитарно, т.к. требует от его производителя и потребителя наличия определенных интеллектуальных способностей, а также определенного уровня образования. Различие возможностей доступа к знанию и его усвоения, имеющих у разных индивидов и групп, не может не повлечь за собой ряд социальных последствий.

Как полагает американский социолог, неомарксист Г. Шиллер, информационное общество – это классовое общество, в котором неравенство порождается информационной пропастью между образованными и состоятельными людьми, имеющими доступ к развитым информационным ресурсам и всеми остальными, чья участь подгрести оставшийся «информационный мусор», состоящий из сплетен, мало ценных посланий, призванных только развлекать и отвлекать [14]. Информационная стратификация общества предполагает сегодня его разделение на «информационных богачей» и «информационных бедняков». Отсюда произрастает проблема возникновения нового социального антагонизма. Если вслед за теоретиками информационного общества и общества знания признать, что знание становится основной производительной силой в современном мире, то тех, кто имеет к нему доступ и владеет им, можно с полным основанием назвать социальным классом. Идея о том, что производители знаний становятся господствующим классом, является расхожим местом в работах почти всех исследователей информационного общества. В.Л. Иноземцев отмечает:

«сегодня вряд ли можно отрицать тот факт, что среди многочисленных социальных групп, на протяжении последних десятилетий существующих в обществе раннего постиндустриализма, особое значение приобретает группа, именуемая в западной обществоведческой теории knowledge-class (класс интеллектуалов – О.Б.)» [15, с. 67]. За последние шестьдесят лет имели место различные попытки определить социальный статус этого класса и выявить основные личностные характеристики его представителей. Для обозначения новой социальной общности, являющейся носителем знания о производственных процессах и механизмах общественного прогресса, предлагались такие термины, как «технократы» (А. Турен), «работники интеллектуального труда» (Ф. Махлуп), «меритократы» (Д. Белл), «эксперты» (М. Кастельс), «белые воротнички» и т.п. Описание основных характерных черт «класса интеллектуалов» можно найти в работах Ф. Махлупа, Дж. К. Гэлбрейта, З. Бжезинского, Д. Белла, Э. Тоффлера и др. В. Л. Иноземцев, например, предлагает выделять две определяющие черты: во-первых, высокий уровень образования, который всегда на порядок выше характерного в тот или иной момент для большинства граждан, составляющих совокупную рабочую силу; во-вторых, востребованность его представителей в разных структурных элементах социальной иерархии и их исключительная мобильность.

Среди многочисленных теорий нового социального порядка, устанавливающегося в информационном обществе, в рамках данной статьи, мы остановимся на трех – теории меритократии Д. Белла, теории адхократии Э. Тоффлера и теории нетократии А. Барда и Я. Зодерквиста. *Меритократия* (от слова «merit» – заслуга), согласно Д. Беллу, представляет собой группу людей, социальное положение которых обуславливается интеллектуальным потенциалом и способностью генерировать новое знание, а не правом рождения или наличием собственности. В постиндустриальном обществе технические знания и уровень образования становятся основными атрибутами нового правящего класса. В социальной стратификации принцип предписаний сменяет принцип достижений. Если в предшествующие эпохи талантливые люди были распределены по всем слоям общества, то теперь мы сталкиваемся с ситуацией, когда все они интегрируются в особую группу – интеллектуальную элиту. Такая ситуация возвращает нас к старой проблеме социального неравенства, но под новым углом зрения. Прекрасно осознавая актуальность этой

проблемы, Д. Белл предлагает разделять несправедливую и справедливую меритократию. Он пишет: «Меритократия состоит из людей, которые заслужили свой авторитет. Несправедливой меритократией является та, в которой эти различия (в знаниях, навыках, талантах – О.Б.) приобретают отталкивающий характер и унижают достоинство тех, кто составляет низшие страты» [16, с. 248]. Авторитет, в отличие от власти, опирающейся на силу, зиждется на навыках, знаниях, талантах, т.е. компетенции, носящей личностный характер. В этом же состоит различие между меритократией и технократией. При технократическом подходе основным критерием социальной стратификации становится технологическая эффективность, поэтому акцент делается на мандатных характеристиках индивида, позволяющих ему войти в ту или иную систему. Для меритократии такой механический подход неприемлем, она базируется на личностных результатах и заработанном статусе, который должен быть подтвержден высшими авторитетами в определенной профессиональной области.

Э. Тоффлер ввел термин «адхократия» (от лат. *ad hoc* – «для этого», «применительно к этому», «(специально) для этого случая») в 1970 г. в работе «Шок будущего» для обозначения особой формы организации альтернативной бюрократической. У Э. Тоффлера она предстает «исключительно подвижной, обогащенной информацией динамической организацией будущего, представленной временными рабочими ячейками и исключительно мобильными индивидами» [17, с. 166]. Если бюрократия опирается на постоянство, иерархию и разделение труда, то адхократия на прямо противоположные вещи – кратковременность, мимолетность, подвижность, перманентное порождение и отмирание временных рабочих групп. К основным качествам, которые культивирует современное общество в работнике – это преданность своей профессии, а не организации; личная заинтересованность в результатах своей деятельности; крайний индивидуализм; пластичность и креативность. Работодатели Третьей волны, утверждает Э. Тоффлер, «испытывают все возрастающую потребность в мужчинах и женщинах, которые принимают на себя ответственность, понимают, как их работа связана с работой других, которые могут справляться с более крупными заданиями и быстро адаптируются к изменившимся обстоятельствам и которые чувствуют настроение людей вокруг них» [18, с. 608]. Мотивационные механизмы работника находятся теперь в

первую очередь в области чувства самоудовлетворения, даже иногда в ущерб сиюминутной материальной выгоде. Главный критерий профессионализма – способность создавать уникальный интеллектуальный продукт. Творческий потенциал определяется способностью выуживать из общего потока информации наиболее значимую и самостоятельно генерировать новое знание.

Концепция *нетократии*, которую предложили А. Бард и Я. Зодерквист, в отличие от двух предыдущих была сформулирована уже в XXI в. Этим возможно объясняется ее более радикальный стиль. Бестселлер «Нетократия» появился на свет, по словам самих авторов, «как следствие нашего глубокого разочарования. Мы были не в состоянии более выносить невежество и инфантильность публичных дебатов конца XX века о будущем, которое нас ожидает. Все, что до сих пор было сказано и написано, либо насквозь проникнуто какой либо идеологией, либо не содержит в основании ни малейшей попытки исторического анализа тех причин, вследствие которых технологический прорыв в области информационных технологий может на самом деле драматически изменить наше общество» [19]. Основная ошибка предшествующих теоретиков, по их мнению, состояла в том, что они пытались описать новые феномены языком старой парадигмы, их объяснительные модели были не способны схватить сущность происходящих трансформаций. А. Бард и Я. Зодерквист рисуют уже не утопическую модель приближающегося будущего, а достаточно объективную картину наступившего настоящего, с его противоречиями, катаклизмами, антагонизмами и т.п.

Структура современного общества включает в себя два новых класса: нетократию и консьюмтариат. Их разделение осуществляется по критерию доступа к знанию. «Консьюмтариат погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть знание. Разумеется, знание доступно только нетократам: это их валюта, их топливо, их адреналин. Нетократы – новая правящая элита, они управляют консьюмтариатом» [19]. В отличие от многих других теоретиков информационного общества, А. Бард и Я. Зодерквист достаточно точно дифференцируют понятия «знание» и «информация», именно это помогает им более глубоко понять природу происходящих перед нашими глазами социальных, экономических и культурных процессов. Они пишут: «по мере того, как информация становится ключевым товаром новой экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов,

все большую ценность приобретает существенное и эксклюзивное знание» [19]. Нетократы – это люди, которые могут производить, выявлять и контролировать утечку знания, т.е. обладают монополией на основное средство производства; «новые священнослужители, наши проводники в вопросах духовности и морали, объясняющие и наставляющие нас по поводу вновь возникающей информации» [19]. Именно на этом базируется их власть. Нетократия состоит из трех групп: этерналистов – философов, толкователей реальности, которые берут на себя функции ученых; нексиалистов – новых предпринимателей; и кураторов, приходящих на смену политикам. Вступление в этот господствующий класс невозможно ни по наследственному принципу, ни по принципу наличия собственности. Приобрести статус нетократа можно только при наличии эксклюзивного знания или контактов, которое можно использовать в качестве средства платежа. Консьюмтариат приходит на место пролетариата, это люди, которые оказываются в низшем положении в силу своего недостаточного социального интеллекта. Именно их можно по праву назвать субъектами информационной революции, поскольку, будучи погруженными в бесконечные коммуникации и потребляя огромные массивы информации, они не имеют никакого представления о знании. Этот новый пролетариат в первую очередь, предназначен для потребления. Концепция нетократии, хотя и предложена людьми, которых сложно назвать классическими учеными (правильнее было бы причислить А. Барда и Я. Зодерквиста к публичным деятелям), на наш взгляд, предлагает более перспективный взгляд на проблему различия информационной и знаниевой революции, а также на понимание их влияния на процессы социальной стратификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
2. *Ракитов А.И.* Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М., 1998.
3. *Кравченко А. И.* Социология в вопросах и ответах. М., 2006.
4. *Bell D.* The Third Technological Revolution and its Possible Socio-Economic Consequences // *Dissent*. Vol. XXXVI. № 2. Spring, 1989.

5. *Roszak T.* The cult of information: the folklore of computers and the true art of thinking, Cambridge, 1986.
6. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2003.
7. *Иванов Д.В.* Феномен компьютеризации как социологическая проблема. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры. http://sociologist.nm.ru/articles/ivanov_01.htm
8. *Бодрияр Ж.* Симулякри і симуляція. Київ, 2004.
9. *Bell.D., Grobard St.R.* Preface to the MIT Press Edition // Bell D., Grobard St.R. Toward the Year 2000: Work in Progress. Cambridge, 1997.
10. *Бурякова О.В.* Проблема соотношения понятий «информация» и «знание» в контексте современных зарубежных и отечественных исследований // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. / http://hses-online.ru/2010/01/09_00_08/07.pdf
11. *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. Kodansha International, New York. 1991.
12. *Chichilnisky G.* The knowledge revolution // The Journal of International Trade and Economic Development, 1996.
13. *Кочеткова В.В, Кочетков Л.Н.* К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. 2010. № 2.
14. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.
15. *Иноземцев В.Л.* Класс интеллектуалов в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6.
16. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования. М., 2001.
17. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.
18. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.
19. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / <http://lib.babr.ru/index.php?book=2655>.